Евгений Гришковец

+1

Часть сборника
Сатисфакция (сборник)

Евгений Гришковец

+1

«Автор»

Гришковец Е. В.

+1 / Е. В. Гришковец — «Автор»,

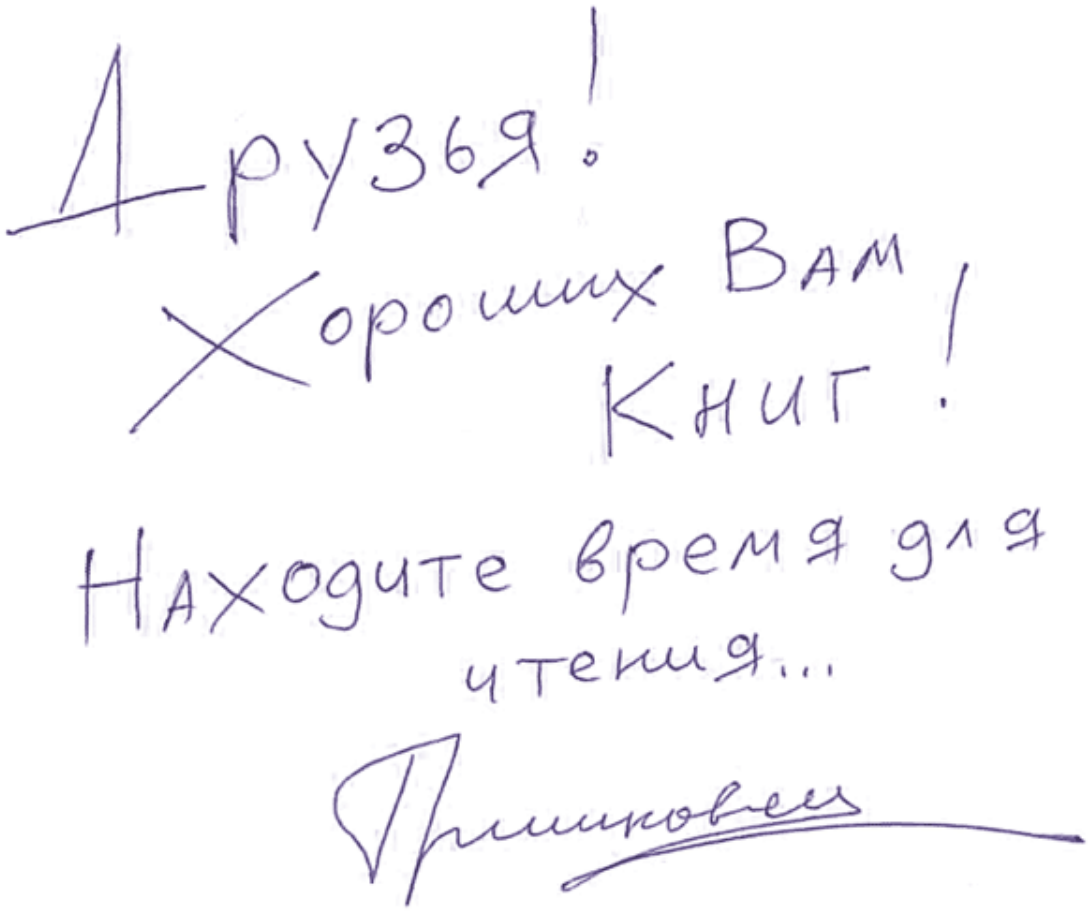
ISBN 978-5-457-12136-2

Новая, ранее не публиковавшаяся пьеса Е.Гришковца. «Меня никто не знает. (Пауза. Улыбается.) Но не в том смысле, что у меня нет знакомых и я ни с кем не общаюсь. Не в том смысле, что никто не знает моего имени, сколько мне лет или чем я занимаюсь… Мне кажется, я совсем не такой уж сложный или закрытый человек. Я не обладаю какими-то сильно специальными знаниями, не имею доступа к какой-нибудь таинственной и секретной информации. Но меня никто не знает!..»

ISBN 978-5-457-12136-2

© Гришковец Е. В.
© Автор

Евгений Гришковец
+1
(*Монолог)*



* * *

Говорящий – мужчина тридцати пяти – сорока пяти лет.

Меня никто не знает. *(Пауза. Улыбается.)* Но не в том смысле, что у меня нет знакомых и я ни с кем не общаюсь. Не в том смысле, что никто не знает моего имени, сколько мне лет или чем я занимаюсь… Мне кажется, я совсем не такой уж сложный или закрытый человек. Я не обладаю какими-то сильно специальными знаниями, не имею доступа к какой-нибудь таинственной и секретной информации. Но меня никто не знает!

Только не подумайте, что я сейчас пытаюсь сообщить такую банальную, давно привычную мысль, утверждение и практически аксиому, мол, каждый человек непознаваем, каждый человек бесконечный космос и отдельная планета одновременно. Нет, нет! Я не совсем об этом или даже совсем не об этом. Мне, например, часто кажется, что я быстро того или иного человека понял, причём понял полностью и до конца, и даже понял, что в нём и пони-

мать-то нечего, ничего за душой у него нет и быть не может. Я догадываюсь, что многие так же думают про меня, многие уверены, что хорошо меня знают и отлично понимают.

Как легко и самоуверенно мы можем сказать про кого-то: «Да сразу видно, что он чистый жлоб. Вспомни, глаза такие бессмысленные, руки всегда влажные, холодные, губы толстые и вечно мокрые… И как его кто-то целует, кто-то же его любит…». Или: «Сразу же видно, что она чистая стерва, видно же по ней, что у неё одна цель, а в голове две извилины, да и те прямые. Вспомните, лицо у неё всегда такое хищное. И что в ней только мужики находят?! Как они ей позволяют из себя верёвки вить?!»

Такое легко и приятно говорится. Мы так уверены, что разбираемся в людях… Уж что-что, а в людях мы разбираемся! Да и прекрасно! И слава богу! Только я не об этом, я о другом.

Меня никто не знает… Меня никто не знает таким, каким я сам хотел бы, чтобы меня знали. Понимаете?! Это не значит, что все относительно меня ошибаются, нет! Просто никто не знает того, что я сам хотел бы, чтобы про меня знали. Почему? Да очень просто! Я этого сказать не могу. Не могу не потому, что это секрет, а потому, что у меня нет таких слов. Я не знаю, как такое говорить, с чего начать, о чём, какими словами и кому. Кому нужно знать меня таким, каким я сам хочу, чтобы меня знали? Кому? И что я хочу, чтобы обо мне знали?..

Может быть, я хочу, чтобы обо мне знали всё?.. Ну нет! Думаю, что я совсем этого не хочу. Даже уверен, что я не хотел бы, чтобы люди знали то, о чём я реально думаю в той или иной ситуации.

У меня есть один знакомый, он очень тонкий, умный, образованный человек, очень азартный рассказчик и спорщик. Так вот я не хотел бы, чтобы он знал, о чём я реально думаю, когда он произносит какой-нибудь свой эмоциональный и действительно глубокий монолог. Дело в том, что, когда он говорит без перерыва хотя бы полминуты, у него в левом углу рта образуется белая такая пена. А если он говорит больше минуты, то у него на губах возникает этакая слюна, которая от движения губ тянется и рвётся.

И что бы он ни говорил, какую бы чудесную и важную мысль ни высказывал, какие бы глубокие и своевременные цитаты ни цитировал, я, когда он говорит, могу видеть и думать только об этой пене и слюне. Я бы не хотел, чтобы он это знал.

А когда мы общаемся с женщинами… Ведёшь какой-нибудь учтивый и весьма витиеватый, совершенно пристойный разговор… А в голове вдруг такое проскочит. Или глаза вдруг так скользнут, в такие места… В общем, не хотелось бы мне, чтобы то, что у меня там мелькает и думается, стало известно собеседнице… Хотя боюсь, что женщины что-то чувствуют и догадываются. И сильно опасаюсь, что даже видят… Нет, не хочу так думать! Хочется верить, что получается быть таким непроницаемым, таким… Ну понимаете?! Именно что непроницаемым.

И хоть я понимаю, что непроницаемым быть не получается, но меня всё равно никто не знает. Не знают меня прохожие на улице, не знают меня те, кто едет мимо меня, не знают меня те, с кем я вместе лечу в самолёте или еду поездом, даже если мы сидим рядом, даже если всю дорогу болтали.

Не знают меня мужчина и женщина, прошедшие мимо меня однажды. Помню, они прошли мимо меня тогда и даже на меня не глянули. Они вообще никого тогда не замечали. Они видели только друг друга. Они так смотрели друг на друга!

А я подумал тогда, глядя на них: «Господи ты боже мой! Надо же, как глупо выглядит этот мужик. Как можно было сделать себе такую стрижку в сочетании с такими усами?! И зачем он купил себе пиджак на два размера больше, чем ему надо? Наверное, он стесняется своих узких плеч. А эта дама с ним! Но разве можно натягивать такую короткую, обтягивающую юбку на такие ноги! Как она себя вырядила! И в какие цвета! Что она навертела себе на голове! Она, наверное, забыла, сколько ей лет!»

А эта женщина перед тем, как встретиться со своим мужчиной, наверняка провела много времени у зеркала, наверняка тщательно продумала свой образ, и если она так открыла свои ноги, то они ей нравятся и она ими гордится. Она смотрела на своё отражение и видела совсем не то, что видел я, когда глядел на неё. Представляю себе её ужас и гнев, если бы она могла увидеть то, как я её вижу. Ну вот если бы подсоединить какие-то проводки к моей голове, и чтобы то, как я её вижу, оказалось на экране. Я думаю, что она была бы в ужасе. А тот мужчина так на неё смотрел, что было ясно, что он видит что-то намного более прекрасное и совершенное, чем то, что видела в зеркале сама женщина. И как, должно быть, ей понравилось бы то, как видит её этот мужчина. А она в свою очередь так смотрела на него… Что, наверное, хорошо, что она не посмотрела на меня. Что она увидела бы? Не хочу знать. Не хочу!

Я не хочу, я, наверное, боюсь узнать и увидеть себя глазами того человека, которому я неприятен. А уж тем более глазами женщины. Это даже страшно…

Страшно?.. Да! Бывает страшно…

Вот неожиданно встречаешь среди бела дня свою бывшую одноклассницу, которую не видел много лет. Много, много лет.

Или ожиданно… На встрече выпускников. Кто-нибудь позвонил из бывших друзей по школе, с кем ещё не оборвалась связь, мол, приходи, мы собираемся тогда-то. Ты говоришь: «Не знаю, постараюсь, если смогу, если будет время, то обязательно…».

И находится время, и даже чувствуешь, что тебя туда тянет. Раньше не тянуло, а теперь тянет. Думаешь: «Интересно, наверное, пройтись по школе, пройтись по тихим школьным этажам, где прожито и понято немало… Интересно, что и как после стольких лет вспомнится, интересно взглянуть на всё, что когда-то было важной и ежедневной жизнью. Забавно зайти в класс, посидеть за своей партой или хотя бы на том месте, где она стояла, мебель-то, наверное, давно сменили. Кто, любопытно, из учителей ещё работает, какие они теперь, узнают ли…».

Но над всеми этими мыслями витает одна непроговорённая даже самому себе: «А придёт ли она? Придёт ли? Какая она? И когда я увижу её, всколыхнётся ли во мне то, что тогда?..»

И вот в назначенный день приходишь в школу в лучшей своей рубашке, которая, ты полагаешь, тебе очень идёт, в лучшем своём костюме, который так и говорит, мол, у меня всё хорошо и даже ещё лучше.

Ну знаете, как это бывает?.. Приходишь, видишь одноклассников, думаешь: «Да-а-а, как над ними время-то безжалостно распорядилось! Ко мне оно более благосклонно». Обычные типичные разговоры, постаревшие, но бодрые учителя, воспоминания, где, кто и с кем сидел. Потом рассматривание фотографий, наперебой рассказывание каких-то забавных случаев, как и кто глупо и смешно отвечал, на каком уроке… Одноклассницы показывают фотографии своих мужей и, разумеется, детей. Мужья есть не у всех, а дети практически у всех. Одноклассники тоже что-то показывают, некоторые пришли даже с самими жёнами вместо фотографий. Из класса получилась пара, кажется, вполне благополучных семей.

Но её не видно… Она не пришла. Волнение, с которым ты входил в школу, волнение перед возможной встречей с ней отпускает. Думаешь: «Зря пришёл». Или наоборот: «Хорошо, что пришёл. А ни из кого толком ничего не вышло». И это как-то успокаивает. Особенно сильно успокоит бывшая классная руководительница. Она скажет: «А помните нашего Мишеньку?..»

Кто же не помнит Мишу? Главную надежду и опору всего класса. Отличник, любимец всех учителей, при этом именно Миша раньше всех стал курить, встречаться с девочками,

плёл интриги, устраивал провокации и был законодателем всех мод и кодексов поведения. То есть во всех смыслах был самый-самый.

И вот наша бывшая классная руководительница говорит: «Вот, Мишенька мне письмо написал». Все: «Да?! А что, а где, а как?» А Миша, оказывается, по словам учительницы, оправдал все надежды, получил прекрасное образование, теперь живёт в Америке, у него прекрасная жена, дети, и он продаёт пылесосы. То есть у него всё прекрасно. Показанная ею фотография Миши с женой и детьми успокаивает окончательно.

Но её нет… И в тот момент, когда ты уже расслабился, что-то рассказал про себя, прихвастнул, выпил со всеми и прихвастнул ещё… Возникает за спиной какой-то шум, и кто-то из бывших школьных приятелей, а ныне лысоватый, раскрасневшийся мужик, говорит громким шёпотом: «Смотри, кто пришёл…».

Ты оглядываешься и встречаешься глазами… Со взрослой женщиной. Видишь взрослую женщину, в которой всё-таки сразу узнаёшь ту, ту самую… которую… так хотел поцеловать, ещё сам ни разу не целованный.

А потом пьяный возвращаешься домой и думаешь: «Вот надо же! Столько лет прошло! А та девочка всё оставалась в голове и в сердце… Страшно подумать, а если бы тогда решился бы, если бы тогда что-то с ней было, если бы тогда смог бы её поцеловать. Мало ли что могло… И вот сейчас жил бы с этой женщиной. Страшно подумать! А она ведь, если честно, не так уж сильно изменилась. Оказывается, она такого маленького роста, а тогда не казалась маленькой. Черты лица те же. Надо же, она даже стрижётся, как раньше. А глаза?.. Как хорошо, что тогда ничего не случилось! А так пришлось бы сейчас изображать, что всё помню, жалею, что не сложилось, что-то врать… Ну, то есть вообще пришлось бы разговаривать. Как хорошо! Потому что эта женщина, эта взрослая женщина…».

И в этих своих мыслях забираешься в дорогие и такие трепетные свои воспоминания и рвёшь их, как ненужные фотографии, и жжёшь свои детско-юношеские первые, смешные стихи, и комкаешь свои нежные, бессонные ночи, полные фантазий и желаний. Комкаешь, как старые письма.

И твердишь: «Слава богу, слава богу, что тогда… А то эта женщина…». И вроде от этой мысли даже становится легко и весело. И неперевёрнутая страница жизни вдруг перевёрнута. Но что-то обрывается в сердце…

А утром просыпаешься, невыспавшийся, с тугой головой, немного опухший и какой-то ватный идёшь умываться. Умываешься, смотришь на себя, взъерошенного, с красными глазами… и вдруг такая мысль пронзает: «А интересно, она так же про меня подумала, когда увидела? А кто из нас раньше так подумал, она или я?» Может быть, она раньше меня подумала как-нибудь так: «Ой! Что стало с тем мальчиком, который на меня так смотрел, что из него получилось? Какой ужас! А ведь он, в принципе, мог стать моим мужем… Или хотя бы какое-то время… Слава тебе Господи, ничего не было!»

Кто из нас так раньше подумал? Кто победил в этом поединке? Кто выхватил свой револьвер раньше, как в старом вестерне?

А потом приходит такая мысль: «Слушай, признайся сам себе! Ты-то её хотел поцеловать, ты-то о ней мечтал, мучился, представлял себе, как заговоришь с ней, как прикоснёшься к её… к ней, в общем. А она хотела этого? Она вообще о тебе думала тогда? Нравился ли ты ей хоть маленько, она вообще тебя замечала?»

И что же хорошего в том, что тогда этого поцелуя не случилось? Его же не было! А если этого первого моего поцелуя с той девочкой не было, то его уже не будет. Не будет никогда. Первый, конечно, у меня был, но в другое время, в другом моём возрасте, с другими мечтаниями и совсем не такой, и главное – с другой… с другим губами. А того не было и уже не случится. Кто виноват? Да сам же и виноват. Не решился, забоялся, не знал, как

это сделать, не смог быть независимым от школьных интриг и кодексов поведения. И никто тогда не узнал моего поцелуя. И сам я его не узнал… Никто меня не знает.

Никто меня не знает и не может узнать, даже если я этого хочу. Даже если мне это необходимо. Просто у меня нет слов, я не знаю, как сказать, что сказать, каким голосом.

Я могу, конечно, сообщить окружающим, что мне, например, хорошо, или мне плохо, или мне непонятно. Я могу даже сказать, что я счастлив или несчастлив…

Но когда меня разрывает от тоски, отчаяния, незнания, как и зачем мне жить, когда оттого, что происходит у меня внутри, я не могу даже найти позы, чтобы хоть ненадолго замереть и не испытывать мук… И мне так необходимо в этот момент сообщить кому-то о том, что внутри меня происходит и творится… А я только и употребляю слова: тоска, отчаяние, душа, болит… Я ничего не могу сказать, я никого не могу впустить в себя, ни с кем не могу соединиться. И только позволяю себя жалеть тем, кто видит, что мне плохо, и кому я нужен и дорог. Как же от этого одиноко, как остро ощущаются одиночество, неизбежность и обязательность этого одиночества.

Или когда я счастлив и меня переполняет счастье и радость. Бывают моменты, когда счастья так много, что оно не вмещается в меня, когда я готов взорваться от счастья. И это счастье не равно хорошим обстоятельствам, оно больше всех причин, оно намного больше, чем: хорошая погода + хорошая компания + красивое место + прекрасное самочувствие + любовь и любимая рядом + успех и благополучие + уверенность в завтрашнем дне… Нет! Счастье больше, чем сумма всего самого хорошего. В таком счастье есть острое ощущение радости жизни, и им необходимо поделиться, потому что его бывает в тебе слишком много. Но как поделиться, как кому-то дать ощутить твоё счастье? Как?

Стоит кому-то начать что-то объяснять или рассказывать про это счастье, как счастье тут же исчезает… А его было в тебе так много, что оно не помещалось в тебе. Нужно было как-то слиться с этим миром, и тогда твоего счастья хватило бы многим.

Никто меня таким, каким я хотел бы, чтобы меня знали, не знает. Таким, как я себя чувствую, никто не знает. И не сможет узнать. Потому что я не сумею и не смогу сказать. И из-за этого одиночество непреодолимо. Его не преодолеть при всём желании. Во всяком случае, я не могу, потому что у меня нет слов. И если меня никто не знает, значит, я не могу быть частью человечества. Не могу быть одним из семи миллиардов, ста двадцати пяти миллионов, шестисот тридцати тысяч двухсот сорока семи. Я всегда +1 к человечеству. Но это я для себя такой. А для кого-то я – часть человечества, а он +1. А кто-то этого не ощущает. Как, наверное, это хорошо…

Но, с другой стороны, если я не часть человечества, а только +1 к человечеству… Если я не часть… То я не могу быть и минус один к человечеству. Утешение, конечно, слабое, но хоть какое-то.

А как же хочется быть счастливым! Как мне нравится быть счастливым! И как же трудно это уметь! Как же трудно приобрести навыки, научиться, уметь быть счастливым. И не просто неожиданно счастливым, а планово счастливым, да ещё какое-то продолжительное время оставаться счастливым.

Может быть, нужно быть готовым к счастью? Но я к нему как-то всегда не готов. Может быть, я больше всего готов к неприятностям, к каким-то подвохам или огорчениям? А счастье приходит неожиданно и так ненадолго. Оно приходит и потом улетучивается, просачивается сквозь пальцы, если ты хочешь его удержать…

Оно посещает… Оно приходит, например, после трудного или даже изнурительного дня, такого безрезультатного дня, полного неудачных, плохих разговоров. И вот возвращаешься домой, и как-то нет до тебя никому никакого дала, сам себе разогрел суп, бормочет

телевизор, в голове какая-то каша и гул прошедшего нехорошего дня. Ты подумал, открыл холодильник… Есть! Есть в холодильнике початая и давно там стоящая бутылочка водки. Думаешь: «А что, почему бы не выпить рюмочку под супчик?» Налил, выпил, потом горячий суп… Ещё рюмка… И вдруг приходит тепло, потом какая-то радость и следом счастье. Такое нежданное и даже неуместное счастье. И надо им срочно с кем-то поделиться. А с кем? Хватаешь телефон, потому что надо позвонить другу. И тут это счастье ускользает. Либо ты не находишь и не понимаешь, кому нужно позвонить, либо звонишь одному, другому, и никто не берёт трубку, либо дозваниваешься, а тебе шёпотом говорят, что не могут говорить, потому что заняты, или слышишь там, у друга, какие-то голоса, веселье, и ему не до тебя, у него там своя радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.